

18+

Жена

Ценителя

Ада Цинова

Ада Цинова
Жена ценителя

«Издательские решения»

Цинова А.

Жена ценителя / А. Цинова — «Издательские решения»,

Их сблизил музыка одним летним, свежим днем. Их разговорам о литературе и философии сопровождало море. Ангус был вынужден расстаться со своей юной возлюбленной, забрать с собой невозможные чувства. Так Сусанна потеряла единственного друга, идеального собеседника, часть своей души. Дорогам знаменитого коллекционера и талантливой, стойкой девушки было суждено сойтись во время горькой потери. Разница в возрасте не станет непреодолимым препятствием, но спровоцирует болезненное для двоих решение.

© Цинова А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Жена ценителя

Ада Цинова

© Ада Цинова, 2026

ISBN 978-5-0070-0845-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Грозовые тучи исчезли вместе с сумраком ночи. Лазурное небо особо не удивило привыкших к затяжной непогоде жителей побережья. Переполненный штормами июль мог разочаровать разве что туристов, как обычно, грешащих чрезмерно высокими ожиданиями.

Когда Сусанна выбежала на веранду, босая, растрепанная, словно неудержимый ребенок, солнце уже пробивалось сквозь широкие, влажные листья виноградника. Доски половицы все еще были пропитаны вчерашним ливнем, на скошенной каменной дорожке подрагивали лужи. Воду качал ветер, он же ласкал листья винограда и плюща, перебравшегося на старый типично приморский дом. Проседающий, каменный, лишенный опрятности, однако продолжающий неизбежное слитие с природой. Старый маленький дом в отдаленной коммуне Вимре на севере Франции.

Детство Сусанны прошло не здесь. Себя маленькой девочкой она помнила рваными обрывками. меховая шапочка и бескрайний снег, чуть ли не до коричневого загорелые предплечья и кислые мандарины, подобранные прямо с дороги. В калейдоскопе своих воспоминаний Сусанна чаще всего терялась.

Запрокинув голову назад и прогнув спину так сильно, что кончики каштановых волос коснулись поясницы, Сусанна сделала полный вдох. Не свежий, а отсыревший насквозь воздух даже грудь заставил вздрогнуть. Продолжая держать голову запрокинутой, Сусанна посмотрела на небо взглядом заговорщицы.

Некоторое время Сусанна не могла расстаться с небом, когда это все же произошло, приготовила всем завтрак. Запекла яйца кокот с томатами и базиликом. Сменив сорочку на льняное светлое платье со старомодной вышивкой, Сусанна закрепила волосы на затылке, предчувствуя будущую жару. Позавтракав и выпив кофе, она открыла крышку фортепиано и сыграла две любимые партии по воздуху.

Обстановка старого дома была по-испански броской. Массивная деревянная мебель, яркие подушки и шторы, ковры с диковатым орнаментом. Наверно, маме больше всего нравилось там, на юге Испании, совсем недалеко от поражающего воображение Марокко. В гостиной, которая являлась проходной комнатой, были скоплены всевозможные виды развлечений, кроме телевидения. Мольберты, книжные полки, музыкальная аппаратура, включая старинный патефон, шахматы и нарды, фортепиано, к которому Сусанна испытывала особенный трепет.

Напротив окна висела картина папы: смеющийся шут с непропорциональным, искореженным телом. Цвета такие же броские, как и в обстановке, однако атмосфера произведения была непереносимо тяжелой. Сусанна старалась не смотреть на картину, особенно когда была увлечена музыкой.

Первой встала мама. В красном халате с полинявшими перьями на рукавах она доковыляла до ванной и несколько раз дернула за защелку. Елена не любила утренние душевные беседы, семейные завтраки, как, впрочем, и обеды. Лишь к вечеру она становилась терпима к своему положению хозяйки дома, матери и жены. Около часа мама провела в ванной, затем хлопнула дверью и снова ушла в спальню.

Когда Сусанна перепроверила четкую, все же загадочную историю нот и вычленила так и не прозвучавшие ошибки, в окне показался папа. Его возраст приближался к пятидесяти, Аристарх был на девять лет старше своей супруги. Оплывшего телосложения, с отеком лицом и болезненно раздраженным взглядом, непризнанный художник, обосновавшийся на берегу моря, на отшибе и без того немногочисленной коммуны.

Аристарх так и не вкусил славы, даже в молодые годы, когда имел возможность выставлять картины в известных галереях. Несмотря на удачные разнообразные работы он оставался на периферии великого мира живописи. Поиски себя, нескончаемые путешествия так и не

принесли художнику ни признания, ни покоя. Дойдя до этого места, до такого же позабытого миром Вимре, Аристарх наконец остановился. Он принял свое профессиональное поражение стойко и отказался от дальнейших скитаний по непознаваемому миру. Писал Аристарх все реже, все чаще пропадал вечерами, бродя по берегу Северного моря. В погожие дни он шептал своей дочери чуть ли не помешанным голосом, что еще не создал свое лучшее произведение, что не все для него потеряно.

Сусанне всегда был ближе оторванный от жизни отец, чем гораздо более практичная мать. Чем именно занималась мама, Сусанна понимала лишь смутно. Официальной версией было «продвижение творчества отца». Порой картины все же покупали, мало и редко. В такие дни родители пили шампанское, на следующий день раздавали долги. Сусанне мало говорили о финансовом положении семьи, но она догадывалась, что если бы не старинный папин друг, то они бы не выжили.

В растянутой белой майке без рукавов и шортах, оголяющих бледные ноги, Аристарх вошел на веранду. На территории участка было несколько построек, включая гараж, сарай и погреб. Мастерская папы много лет казалась Сусанне самым удивительным местом в мире. Он оборудовал бывшую стеклянную теплицу столами и мольбертами для работы. Там у него были шкафы с тюбиками и баночками краски, подгнивший пол покрывал старинный восточный ковер. У папы был и матрас, где он довольно часто ночевал, глядя на звездное небо в помутневшем от времени стекле.

— Спасибо за завтрак, Анни, — положив увесистую руку на плечо дочери, Аристарх прислонил губы к ее затылку. — Вкуснее, чем у мамы.

Он улыбнулся ей, глядя так, как Сусанна смотрела утром на небо.

— Все уже давно остыло. Переделать кофе?

— Не нужно, я все равно его не буду. А ты играй. Твоя музыка — немного, что заставляет эти искореженные стены танцевать.

Сусанна все еще сидела за инструментом, но даже теперь не решалась коснуться клавиш.

— Она не будет против. Сегодня нас навестит Ангус Лагергрэн.

— Как скоро?

— Не знаю. Игнорируя советы твоей мамы, я так и не начал пользоваться современными средствами связи. Может, он уже в Вимре, может, придет к вечеру.

Аристарх ушел курить на веранду, Сусанна сделала обрывчатый вдох и заиграла по-настоящему. Она играла одну и ту же композицию. Не самая ее любимая, и не самая новая из изученных. Здесь Сусанна постоянно ошибалась, поэтому ей хотелось хоть раз не ошибиться.

Время шло, Сусанна играла, играла гораздо более отрешенно, чем жила когда-либо. То, что завладело ею, было не азартом, а упоением. Сусанне было так хорошо здесь, в создаваемой ею по гениальному плану музыке, что она забыла про ошибки и закончила даже без мелкой помарки, без заминки. Неужели?..

— Клод Дебюсси «Лунный свет». Превосходное исполнение, — произнес звучный и одновременно спокойный голос за ее спиной.

Сусанна развернулась и увидела седовласого мужчину в синем костюме с элегантно сложенным платком на шее. В нем было благородно все. Осанка, улыбка, обрамленная даже не седой, а белой бородой и усами идеальной окантовки. Морщины, в особенности на широком лбу, приветливый, однако лишенный излишних эмоций взгляд маленьких близко посаженных глаз. Ангуса Лагергрэна Сусанна видела не впервые, но собственное впечатление сформировать ранее она не была способна. Утонченный мужчина лет шестидесяти, снисходительный ценитель музыки. Таков всемогущий Ангус Лагергрэн?

— Благодарю, — еле заметно улыбнулась Сусанна и встала.

— Рад видеть вас, Анна. За эти три года вы добились значительных успехов в музыкальной стези.

— Не таких значительных, каких бы хотелось. Вы просто, видимо, зашли в самый удачный момент, — пожала плечами Сусанна.

Внезапно этот благородный, элегантный миллиардер, разбирающийся в искусстве, как никто другой, тихо, но живо засмеялся и так посмотрел на Сусанну, что и она смогла улыбнуться.

— К своим годам я более чем уверен, что именно такие моменты направляют весь жизненный путь. Не стоит недооценивать силу мимолетной удачи.

Сусанна ничего не ответила, она не особо прислушивалась к теме разговора, завязавшегося между ее мамой и Ангусом. На маме было фиалковое шелковое платье, она уложила короткие темные волосы в одном направлении. В ее насильно оживленной в светлое время суток мимике было что-то искусственное и отталкивающее. Все они вышли из дома, Сусанна опустила крышку фортепиано.

Заглянув в окно через занавески, Сусанна убедилась, что родители и Ангус пошли в мастерскую папы. Они с Аристархом были знакомы уже очень давно. Еще из академии, где Ангус преподавал, а Аристарх обучался изобразительному искусству. Ангус приезжал в Вимре раз в три года и оставлял сумму, которой практически хватало до новой встречи.

Сусанна вышла на веранду, когда услышала крики. Фиолетовое платье мелькало в разных концах стеклянной мастерской, заметное тело стояло неподвижно. Родители ссорились часто, обычно Сусанна старалась уйти к морю и вернуться как можно позже. Неужели маму не смутит присутствие гостя? Она закатит сцену прямо сейчас?

Ангус стоял в тени виноградной лозы, перебирал пальцами жилки листьев, не срывая их. Сусанна почувствовала личную ответственность за происходящее, словно взрослой здесь была она, а не те двое, которые не могли совладать с силой голоса.

— Я собиралась пройтись по пляжу. Может быть, вы согласитесь составить мне компанию? — спросила Сусанна.

— С превеликим удовольствием. Благодарю вас за столь любезное приглашение.

Высокопоставленный, имеющий реальное влияние в большом мире Ангус Лагергрэн слегка поклонился. Сусанна впервые за девятнадцать лет почувствовала свою значимость.

Глава 2

Сусанна шла впереди, показывая путь к любимому пляжу. Поросшая травяными зарослями почва обрывалась довольно резко. Пляж, простирающийся под ней, был не слишком широким, песчаным, местами каменистым.

Сусанна продемонстрировала безопасную тропинку в действии, так они спустились к серо-синему успокоившемуся морю. Минут десять, которые заняла дорога, Сусанна и Ангус почти не говорили, разве что о резкой смене погоды. Так как Ангус шел позади, Сусанна не могла наблюдать за ним, лишь глубоко дышала, чувствуя посторонний взгляд на себе.

— В этих местах, на малолюдном побережье в крохотном французском городишке я чувствую, как замедляется время, — сказал Ангус. — Есть что-то вызывающе безмятежное в подобном образе жизни. Это «что-то» я позволить себе не могу из-за своих обязанностей и закоренелых привычек, однако любясь подобной жизнью со стороны, я ощущаю неподдельно благоговение. Анна, будьте добры, расскажите о ваших впечатлениях от жизни в этом тихом, живописном месте?

Перед тем как ответить, Сусанна остановилась и отдала взгляд живущему своей жизнью морю.

— Мне здесь хорошо. Я живу здесь лет с восьми и плохо помню другие места. Здесь все привычно, так как должно быть. Я люблю это море, люблю этот песок, люблю наш старый дом и заросли виноградника. Вимре я тоже люблю с его тесными улочками и рядами двухэтажных домов, пестрящими разноцветными ставнями и балконами. Я не отрицаю возможности того, что другой город, другое море и другую землю я могла бы полюбить сильнее. Возможно, однажды я бы хотела это узнать, но сейчас мне достаточно той любви, которая меня окружает, как снаружи, так и изнутри.

Сусанна следила за тем, как внимательно на нее смотрел Ангус, и даже не испытала смущения. Все тот же галантный заинтересованный взгляд, что и во время разговора о музыке. Даже если он и сочтет ее недалекой, вряд ли это покажет.

— В таком случае я искренне рад, что вы пребываете в душевной гармонии. Если я не ошибаюсь, вам Анна, уже исполнилось девятнадцать лет.

— Да, все верно, — торопливо проговорила Сусанна, удалив взгляд в волны моря.

— Мне показалось, что мой вопрос вас взволновал. Если я был недостаточно учтив, прошу меня извинить.

— Конечно нет, все в порядке, — поспешила улыбнуться Сусанна. — Просто каждый раз, когда вы обращаетесь ко мне на «вы», мне становится как-то странно. Ко мне еще никто никогда так не обращался, даже самые маленькие дети, которых мне доводилось встречать. Давайте опустим эту неловкую паузу. Вы хотели о чем-то меня спросить?

— Я собирался поинтересоваться, чем вы сейчас занимаетесь. Насколько я понимаю, вы уже закончили лицей.

— Да, уже почти год назад. Я не поступала ни в Высшую школу ни в университет. Папа считает подход к получению высшего образования сразу после школы необоснованным. Выбирать сферу профессиональной деятельности наугад и прилагать усилия на протяжении всей жизни, чтобы в нее влиться, не лучший способ и для меня. Мне понравилась его идея о том, что лучше потратить время на поиск себя и сферы, которая тебе по душе, лишь затем переходить к более решительному шагу. Я все еще в поисках, прислушиваюсь к себе, но пока не знаю, чем бы хотела заниматься в течение всей жизни.

— Подход довольно разумный. Полностью согласен, что таким образом вы сберегаете свое время, а не тратите понапрасну. Все же, Анна, осмелюсь предположить, что некоторые

направления интересов вам уже удалось наметить. Таким не слишком искусным образом я намекаю на фортепиано.

— Музыка всегда занимала особое место в моей жизни. Еще с раннего детства я обо- жала музыку, особенно живые инструменты. Папа отлично играет на гитаре, укулеле еще паре струнных инструментов, к сожалению, с годами все реже. Какое-то время я ходила в музы- кальную школу, но мне не подошел подобный метод преподавания. У меня был учитель, он приходил заниматься к нам на дом. Он уехал два года назад со своей семьей в Бельгию.

— Что вы чувствуете, когда играете? Нет ли ощущения, что вы на своем месте, что без этого занятия вы не представляете свою жизнь? — вглядывался в нее Ангус.

— Я бы не сказала, что музыка является моим смыслом жизни. Я, разумеется, хотела бы, чтобы фортепиано присутствовало в моей жизни, однако это не категорические мысли, они вариативные. Если по стечению обстоятельств я бы не смогла всерьез заниматься музыкой, я бы это пережила. Я люблю музыку больше, чем пытаться воссоздать ее собственными руками. Для меня гораздо важнее звучание. Как звучание этого моря для меня важнее возможности в него окунуться.

— Вам нравится именно слушать море?

— Мне нравится воспринимать его с всевозможных ракурсов. Чувствовать этот привыч- ный запах, — Сусанна вдохнула полной грудью. — Смотреть на пенящиеся у берега волны, теряться в иллюзии бесконечности, создаваемой тонушим горизонтом. Мне нравится опускать руки, ловя волны, позволять брызгам обдавать ноги чуть ли не целиком. Но звук моря, это особенное удовольствие. Если я долго прислушиваюсь, то различаю в нем даже не музыку, а голос. Живой, поразительно мелодичный голос.

— Анна, вам идет море.

Сусанна остановилась и посмотрела на Ангуса уже иначе, не как на интеллигентного собеседника, а как на взрослого опытного человека, которому могло попросту быть с ней скучно. Слегка потушив свою разгоряченность, Анна спросила с доброй иронией, но без улыбки:

— Это комплимент или завуалированное оскорбление?

— Теперь мне крайне интересно, каким бы могло быть предполагаемое вами оскорбле- ние, — Ангус улыбался так широко, что морщины у глаз сложились в отчетливые елочки.

— Вы могли иметь в виду, что я взбалмошная и непоследовательная, как эти бесцельно бьющиеся о землю волны, — пожала плечами Сусанна.

— Если нам неизвестна цель движения волн, это еще не значит что ее нет. Разумеется, я намеревался сделать вам комплимент. После недолгого размышления, хотел бы отметить, что взбалмошность и непоследовательность я бы тоже определенно отнес к достоинствам, они слишком хороши, чтобы быть заклеяменными недостатками.

— Хороши?

— Это критерии самой жизни. Своенравной, упрямой и неподдающейся контролю. Вы со мной не согласны?

— Никогда об этом не думала, — продолжила идти вдоль пляжа Сусанна.

— Может быть, вы хотите о чем-то спросить меня? Я с радостью отвечу на любые ваши вопросы.

— Вы сейчас живете в Лондоне?

— Уже как два года я предпочитаю климат Ирландии. В Лондоне я прожил большую часть своей жизни, этот город по-своему дорог мне. Из-за множества профессиональных вопросов мне часто приходится бывать в Лондоне. С каждой новой поездкой я убеждаюсь все прочнее, что подобные вылазки скорее утомляют, чем радуют.

— Вам больше нравится уединенная жизнь в Ирландии?

— Я бы сказал, что это не худший вариант для меня.

— Ваше имя... Оно ирландское?

— Гэльское. Происходит от древнего кельтского языка. Родственники по стороне матери были из Шотландии, в которой я бывал лишь проездом. Мои родители встретились в Миссури, отец был шведом. Мало кто знает, что моя фамилия шведская, ведь со Скандинавией меня вообще ничего не связывает.

— Ваше имя имеет особенную историю?

— Дословно можно перевести, как «одиноким великан». В кельтской мифологии Ангус — бог любви и красоты. Нахожу довольно забавным данное противоречие.

Ангус улыбался даже задорно, Сусанна задумалась о своем и вряд ли придавала значение его улыбке.

— Спасибо за разъяснение, — сказала она. — Ваше имя всегда мне казалось таинственным. Может быть оно мне встретилось в какой-то сказке или легенде.

— Можем ли мы вернуться к теме музыки? — мягко улыбнулся Ангус. — Вы играли Клода Дебюсси. Это ваш любимый композитор?

— Нет, но его музыка мне нравится гораздо больше великого Моцарта или Баха. Возможно, у меня дурной вкус, но всемирно известные симфонии я нахожу громоздкими и помпезными. Не спорю, что в роскошном музыкальном холле, воссозданные оркестрами подобные шедевры рушатся на слушателей камнепадом амброзии и шквалом эмоций. Только меня интересуют более личные аспекты музыки. Композиции Дебюсси так чувственны и откровенны, словно описывают внутренний мир конкретной личности в конкретный момент, а не всего жизненного пути, а то и целого народа.

— У вас довольно интересные взгляды на устоявшиеся традиции искусства. Анна, вы пишете музыку?

— Нет, но когда-нибудь я бы хотела попытаться.

— Более чем уверен, что у вас все получится.

Сусанна вновь пошла вперед. В этот раз уже по направлению к дому. Ею двигала скорее привычка гулять в одиночестве, чем стремление отдалиться от собеседника. Сусанне хотелось задать тысячу вопросов, впервые она встретила человека, способного на них ответить. Вопросы сегодня в основном задавал он, Сусанна могла лишь догадываться и ужасаться, насколько неудачно на них отвечала.

К их приходу столик под навесом был уже накрыт. Две обитые искусственной кожей скамейки украсили подушками из гостиной, сюда же принесли два кресла. На столе был чайник, графин с соком, керамические тарелки, вазочка с фруктами и абрикосовый пирог. Папа рассказал историю из своей молодости, которую сложно было вплести в образовавшуюся компанию. Мама отрезала большой кусок пирога Ангусу, предложила кофе, но он отказался и взял стакан апельсинового сока.

— Елена, ваш пирог бесподобен. Сочетание теста и фруктов настолько удачно, что я вынужден просить добавки, — сказал Ангус с приятной улыбкой.

— Не удивлюсь, что это правда, — засмеялся папа. — Только твои слова безграничного восторга должны были предназначаться Анни. Это она сварганила такую вкуснятину, пока мы бродили по мастерской.

Взгляд, который был направлен на Сусанну в следующее мгновение, заставил ее задержать дыхание.

— Прощу прощения за свою оплошность. Анна, ваши кулинарные таланты ничуть не уступают вашим музыкальным успехам. Я восхищен и признателен от всей души.

В этот раз поклон Ангуса был еще ниже. Он смотрел на Сусанну так долго, что угроза потерять сознание, стала реальной.

Глава 3

В очередной раз оставив после себя пустой холст в мастерской, Аристарх подошел к веранде. Оголив одно колено, Елена курила. Пепел она сбрасывала в объемную керамическую пепельницу, которую тащила из самой Малаги. Она всегда курила, ухватившись одной рукой за этот лакированный кусок глины. Видимо, чтобы Аристарх случаем не забыл, как много она добровольно лишилась ради него.

— Эли, не видела Ангуса?

— Нет, но судя по всему, снова гуляет с Сусанной у моря.

Елена не смотрела на своего одряхлевшего мужа. Даже сейчас, в этом периоде жизни, в этих финансовых обстоятельствах, курия на полугнилой веранде, она считала себя гораздо лучше.

— Понятно. Давно ты встала?

— Тебе же плевать, — выставила зубы из бордовых губ Елена. — Ангус, кажется, ей заинтересован.

Последняя фраза была сказана таким адекватным голосом, который Аристарху уже давно не полагался. Елена ждала его реакции, заглядывала в красное лицо чуть ли не с надеждой.

— Это исключительно его затруднение. Даже если возникнет что-то большее интереса, ему хватит ума и такта разобраться с этим самостоятельно.

— За столько лет ты не поумнел ни на йоту. Как был жалким идиотишкой, так и помрешь. Эту нищету, это презрение — ты все это заслужил. Идиоты хуже подлецов и торгашей, гораздо хуже.

Жена больше не смотрела на Аристарха. Она потушила сигарету о керамическую впающую стенку и зашла в дом, махнув подолом халата.

В доме Аристарха для Ангуса была выделена отдельная комната со всем необходимым для пребывания. Ангус не считал подобные поездки актом благотворительности либо же снисхождения. Да, он брал некоторые работы Аристарха на реализацию, выписывал ему не слишком большие, справедливые, на его взгляд, чеки. Ангус ценил одинаково сильно как отдых на отдаленном берегу, так и компанию одного из немногих знакомых, все еще способных рассуждать.

Тем утром Ангус проснулся раньше обычного из-за птичьих трелей под распахнутым окном. С улицы тянуло отрезвляющей прохладой, он решил пройтись. В скором времени Ангус услышал шаги проснувшегося человека в доме. Догадываясь, кто именно встал, Ангус решил присесть в кресло у виноградной лозы, чтобы не добавлять неудобств, которые мог создать своим присутствием.

Сусанна вышла к нему сама. Бодрая и собранная, в летящей белой юбке и голубой блузке с закатанными рукавами. Ее волосы вновь были подобраны сзади, лишая возможности определить их настоящую длину. Слегка навалившись на ограждение веранды, Сусанна помахала Ангусу так, словно он был на другой стороне улицы, а не в двух-трех шагах от нее.

— Доброе утро, Анна. Надеюсь, я не разбудил вас.

— Доброе утро. Я всегда летом встаю с первыми певчими птицами. Люблю утром гулять у моря, слушать его голос. Еще утром не так жарко.

— Вы и сейчас собираетесь на море? — вопросительно приподнял бровь Ангус.

— Да, только сначала хотела предложить вам кофе.

— Благодарю за вашу любезность, но от кофе я отказался несколько лет назад. Буду признателен стакану воды.

К стакану воды Сусанна подала абрикосы, сыр и нарезанный багет со сливочным маслом. После завтрака они вернулись на море, в этот раз обмениваясь идеями еще по дороге. Они

обсуждали Вимре, этот маленький, уютный город, куда порой заглядывали туристы. Его причудливую, местами сказочную архитектуру, климат и нравы местных жителей.

Стоило им подойти к морю, отливающему бирюзой, как Сусанна изменилась. Она словно забыла об Ангусе, запрокинула голову назад и дышала морским бризом. На пару секунд она закрыла глаза, это спасло Ангуса от необходимости дать комментарий своему иступленному взгляду. Из этой хрупкой девушки с мягкими чертами, облаченной скорее в морскую пену и лоскуток неба, чем в одежду, исходил живительный свет.

Ангусу довелось видеть Сусанну в разные периоды ее жизни, начиная лет с десяти. Так как эти встречи происходили раз в три года и не длились слишком долго, Ангус не придавал им большого значения. Каждый раз у этого каменного дома, сосуществующего с проворным плющом, Ангус встречал смутно знакомого ребенка. Даже три года назад, когда Сусанне было уже шестнадцать, Ангус заметил в ней всего лишь миловидную вытянувшуюся девочку. В шестнадцать она была все еще ребенком, вежливым, восторженным, любящим жизнь. Лишь вчера Ангус увидел в Сусанне привлекательную женщину.

Все началось с ее рук, длинных ровных пальцев с идеальными овалами ногтей. Сусанна так касалась клавиш фортепиано, как никогда не сможет коснуться ни один мужчина. Бесспорно, Сусанна все еще сохранила детскую беспечность, неподдельную искренность и мечтательный взгляд, все же ее движения, повороты головы, тембр ее голоса... Это все отныне принадлежало созревшей личности. Личности думающей, отличительной женщины. То, как она ощупывала пучок волос, проверяя его сохранность, как утрамбовывала блузку в край юбки. Прямо сейчас с ним вдоль берега шла красивая своей естественностью женщина со светлой и чистой душой ребенка.

Порой Ангус отвлекался от любования Сусанной на урчащее, как объевшаяся кошка, море. В этом оттенке бирюзы было что-то напоминающее цвет ее серо-зеленых глаз. В очередной раз Сусанна присела, пройдясь краями юбки по песку. Увлеченно что-то прощупав, она встала и пошла дальше.

— Анна, вы что-то ищете, не так ли? — поинтересовался Ангус.

— О, это детская привычка, — рассмеялась она. — Да, вы правы, я иногда не могу удержаться и поднимаю камни в надежде, что мне повезет.

— Вы ищете какой-то определенный камень?

— Да, в нем должна быть дырка.

— Дырка? — переспросил Ангус.

— Да, отверстие, в которое будет возможно продеть нитку.

— Что же, думаю, в этом достаточно большое отверстие, — усмехнулся Ангус указав взглядом на булыжник с пробитой насквозь дырой.

— С таким камешком на шее стоит разве что топиться, — вновь засмеялась Сусанна.

— Значит, нить с искомым вами камнем следует носить на шее?

— Именно так. Найти камень с дырочкой — большая удача. Он волшебный. Если все-таки повезет, следует завязать ниточку на шее, загадывая желание, и оно обязательно сбудется. Ни за что не догадаетесь, как мы называли такие камни!

— Вы ведь мне подскажите?

— Куриный бог.

— Мне кажется, подобное название мне встречалось в славянской мифологии, как одно из наименований оберегов. Анна, позвольте вам помочь? Вдвоем найти желанный камень вероятность выше.

— Конечно.

Некоторое время они то и дело поднимали камни, затем отбрасывали в тот же песок. Камня с отверстием так и не попало.

— Вам уже повезло найти такой камень? — спросил Ангус.

— Всего раз. Мне было лет пять. Я так обрадовалась, что бежала домой со всех ног, упала, разбила колено. Самое обидное, что я потеряла тот камешек.

— Как же так? — прикусил губу Ангус.

— Не знаю. Положила в карман, видимо, выпал по дороге домой. Я никогда в жизни не плакала так долго, как в тот день. Уже дышать не могла, а продолжала плакать. Папа просидел со мной несколько часов. Он меня не успокаивал, дождался, пока я успокоилась сама, и сказал: «Когда найдешь то, что будет действительно твоим, уже не потеряешь».

О том, что отец оказал значительное влияние на формирование мировоззрения Сусанны, Ангус понял еще вчера. Несомненно, это Аристарх научил Сусанну рассуждать, задавать вопросы и пытаться найти собственные ответы. Мысли Сусанны были отличительны, как от мыслей Ангуса, так и от хорошо известных ему мыслей ее отца. В каких условиях и под влиянием каких бы идей Сусанна не росла, ей уже удалось стать сознательной личностью.

Присев снова, Ангус взял камень двумя пальцами за бока.

— Если б только я мог перестать думать, мне стало бы легче. Мысли — вот от чего особенно мучительно... — произнес он эти слова таким равномерным голосом, словно для себя. — Это была цитата, — пояснил Ангус.

— Из «Тошноты» Сартра, я поняла, — обернулась к нему Сусанна.

— Вы читали Сартра? — поспешил подняться Ангус.

— Лишь это наиболее шумевшее произведение, заклеятое «лучшим». Как по мне, нет ничего более оскорбительного для автора, чем вычленение «лучшей» единицы из его творчества длиною в жизнь.

— Если честно, удивлен, что вы читаете подобную литературу. Экзистенциальный кризис не самая простая тема.

— Я читаю разную литературу. Может, я берусь рассуждать о вопросах, о которых пока не имею и малейшего понятия. Все же, мне кажется, что заведомо усложняя свое произведение, наполняя его горечью и безысходностью, Сартр пытался показать прелесть жизни, а не уродство вынужденного «существования». По крайней мере, я полюбила эти камни и это море еще сильнее, задумавшись о бесконечном круге существующего и существовавшего.

— Когда я прочел «Тошноту» в свои студенческие годы, я смог извлечь мало материала для размышления, пока не заглянул в литературную критику. Могу поинтересоваться, кого из критиков прочли вы?

— Никого, — усмехнулась Сусанна, не уводя взгляда. — Вполне вероятно, что я не уловила большую часть посыла, заложенного автором. Для меня важно прочувствовать, если так можно сказать, «прожить» книгу самостоятельно. Мне интересно оставаться один на один с литературой, пропускать через себя, в себе искать ответы. Никогда не читала ни литературных критиков, ни рецензий на картины. Для меня неприемлемо посредничество между произведением искусства и аудиторией. Это принято, знаю, как принято участие священнослужителей в многих религиозных обрядах. Как по мне, это лишнее, предвзятое звено, которое ослепляет людей собственными взглядами, вместо того, чтобы позволить им искать собственные.

— Еще никогда не слышал сравнения критиков со священнослужителями. В своем роде, оно довольно аллегорично.

Неожиданно улыбка Ангуса стерла улыбку Сусанны.

— Я забыла, что вы являетесь рецензентом картин, признанных мировыми шедеврами. Простите, я выразилась слишком грубо. Я не хотела вас обидеть, лишь пыталась разъяснить свою позицию более образно.

— Вам не за что извиняться, Анна. Да, продолжительное время я составлял рецензии на предметы изобразительного искусства, в частности картины, но даже в тот период времени, уверяю вас, я ничуть бы не обиделся сравнению со священником, — Ангус попытался засмеяться, Сусанна осталась такой же сдержанной.

— Вы больше этим не занимаетесь?

— Нет, мне больше это неинтересно. Искусство не ушло из моей жизни. Сейчас я предпочитаю участвовать в аукционах, пополняя свою многочисленную коллекцию. Возможно, ваша нелюбовь к рецензентам взяла свое начало в прочтении непрофессионального отзыва? Не исключаю, что на мое мнение могла наложить слой предвзятости профессиональная деформация. Тем не менее я считаю, что нести искусство в массы помогает как раз таки критика профессионалов. Многие попросту бы не стали читать ничего, что заставляет думать. Навыку думать ведь нужно учиться также, как и любому другому. Впоследствии в критике нет надобности, я с вами согласен. На первых парах она может стать инструментом, вроде компаса, указывающим верное направление. Как по мне, так прочтение критики — это скорее общение с приятелем, где вы можете спорить и не соглашаться, а не проповедь.

— Наверное, я так категорична, потому что сама сделала чтение чрезмерно личным удовольствием. Я никогда не обсуждала книги с друзьями. По правде говоря, у меня и друзей нет. Раньше папа говорил со мной о книгах, но этого уже тоже давно нет.

— Анна, что вы читаете сейчас? — тихо, чуть ли не шепотом спросил Ангус.

— Прямо сейчас Хемингуэя. «Прощай, оружие». Вы наверняка тоже читали, прошу, ничего не говорите, я еще не дочитала. Мне осталась треть. Я дочитаю вечером. Там сейчас так много событий. Мне кажется, надвигается что-то плохое, но я все еще надеюсь на счастливый конец.

— Я ничего не скажу. Если захотите обсудить книгу после, то буду безмерно рад.

Они гуляли по берегу несколько часов. Говорили о философии и литературе, даже мифологию затронули. Ангус удивлялся не столько свежим, нетипичным взглядам юной Сусанны, сколько мыслям, к которым приходил он сам во время их бесед. Время от времени Ангус или Сусанна наклонялись, чтобы поднять камень.

— Я все пытаюсь понять, каково вам слушать мои сумасбродные идеи, — вдруг сказала Сусанна. — Мои мысли звучат, как лепет глупого, наивного ребенка, тешащего себя мнимой значимостью? Вряд ли это также простительно, как тривиальные, приземленные взгляды женщины.

Ангус остановился, сжимая в руке плоский камень. Серо-зеленые глаза испытующе смотрели на него. Не могла она выпрашивать комплимент подобной уловкой, не могла и быть подобного мнения о себе.

— Я бы мог поспорить с каждым из ваших изречений, однако ограничусь лишь коротким утверждением, что это не так.

— Почему же вы не хотите со мной поспорить? В споре рождается истина, разве нет? — улыбнулась Сусанна.

— Представьте себе две машины, движущиеся в противоположных направлениях, и две машины, которые едут параллельно друг другу в одну сторону. В конце пути, так называемая финишная линия «истины». Конечно и у первой пары есть вариант вдвоем добраться до нее. Дорога непредсказуема, она может быть кольцевой. Все же шансов будет больше у машин, движущихся вместе, ведь так?

— Похоже на то.

— Анна, вы уникальны.

— Я так не думаю.

— А зря. Возьмите, — сказал Ангус и разжал вытянутую руку.

В ней был молочно-белый камень размером с монету. В нем было отверстие. Сусанна не взяла камень, но ее глазам вернулся прежний блеск.

— Неужели вы нашли?! Это же чудо! Как вам повезло! Примите мои поздравления.

— Я бы хотел отдать его вам.

— Я не могу принять вашу удачу, — сделала шаг назад Сусанна. — Камень нашли вы, значит, и загадывать желание вам.

— У меня нет желаний. Все, к чему я стремился, у меня уже есть.

— Не могу поверить, что у вас не осталось ни одной мечты.

— Боюсь, что я разучился мечтать много лет назад, — вздохнул Ангус. — Все мечты в моей жизни перевоплотились в четкие планы, вполне себе подвластные реализации. Прошу, Анна, примите этот скромный подарок. Вам ведь есть что загадать.

В тот момент, когда Сусанна коснулась его руки, Ангус понял, что солгал. Невесомое прикосновение, сравнимое разве что с дуновением теплого весеннего ветра.

— Большое спасибо, я его не потеряю, — сказала Сусанна, сжимая камень в загорелом кулачке.

Глава 4

Вернулись с морской прогулки они ближе к вечеру. Время необычайно ускорилося, даже вздрагивающий от голода живот не мог стать причиной разрыва подобного обмена мыслями. Когда они вернулись, на улице был уже накрыт стол, стояли бокалы. Пока Сусанна находилась в доме, Ангус извинился перед ее родителями за длительное отсутствие, намекнул Аристарху на новый способ продажи работ.

Сусанна спустилась к ужину все в той же одежде, но уже с ровненьким пучком на затылке. Особенно много тем вечером говорила Елена, нарядившаяся в темно-зеленый брючный костюм. Ее истории из прошлого отличались юмористической окраской. Она говорила об искусстве, о художниках, с которыми была знакома. Построенный ею план беседы предполагал комментарии Ангуса. Порой он делал их, порой опускал. Спустя полчаса Аристарх включился в обсуждение. Он говорил меньше своей супруги, однако его короткие вставки и остроумные шутки вызывали у Ангуса настоящую улыбку.

Во время ужина Сусанна была немногословна. Задал вопросы ей пару раз сам Ангус. Не то тема современного искусства была не ее сильной стороной, не то она чувствовала себя в этой компании некомфортно. К этому выводу Ангус пришел, отметив, что отвечала Сусанна скорее вежливо, чем заинтересованно. После этого он оставил попытки вовлечь ее в беседу. Когда начало темнеть, Сусанна сослалась на незаконченные дела и ушла в дом. Ангус проводил ее взглядом, подавил порыв прислонить руку к груди и вернулся к разговору.

Когда Елена направилась в дом за керамической пепельницей, Аристарх предложил Ангусу вновь пройтись по мастерской. Финансовые вопросы они обсудили наедине. Сумма, которую предложил Ангус, была по обыкновению средней. Ему ничего не стоило поднять цифру по просьбе давнего друга, которого он знал так много лет. Аристарх никогда не просил. Самостоятельно завышать гонорар Ангусу не позволяла совесть. Вряд ли Аристарх бы отказался, но он бы понял, что Ангус испытывает к нему жалость. Правдивая цена своих работ Аристарху была известна.

После не самого худшего просекко, они пили чай при свете луны и массивных старых фонарей, прикрепленных по обе стороны от входной двери. Елена старалась не стать центром обсуждения, предоставляя почву для переговоров мужу и Ангусу. Если бы она знала, что дело решено, вряд ли вела бы себя также сдержанно.

Елена покинула их компанию первой. Неспешно прибрал со стола, она ушла с горделивой осанкой. Последним предметом, который она забрала, была пепельница. Аристарх минут десять описывал свои «затянувшиеся тяжелые времена», затем предложил пройтись вокруг дома. Судя по всему, уже было около полуночи. От звуковых компонентов остались их приглушенные шаги и треск насекомых, прятавшихся в траве. Круга четыре во взаимном молчании и теплое прощание у мастерской.

Ангус посмотрел на почти полную луну. Лунный свет. Ему послышались музыкальные мотивы, которыми прозвучала эта встреча. Большое воображение воссоздало дорогую его сердцу картину в подробных деталях.

На полпути к крыльцу Ангус остановился, обнаружив еще один источник света. До этого момента ему были доступны лишь фонари и луна. В окне, обвитом снизу и справа плющом, в свете настольной лампы читала Сусанна. Она буквально прислонялась к стеклу, наверно, ее подоконник представлял собой скамью. Свет падал на нее сзади. Помещение было неразличимо в полумраке, зато она... С влажными волосами, подхваченными заколкой, в сорочке, что чуть сползла с ее острых коленок. Ангус отчетливо видел, как ее длинные пальцы цепко ухватились за половинки книги, как от частых вдохов выделялась небольшая, красиво очерченная грудь.

К облегчению Ангуса, Сусанна не видела его. Она вглядывалась в книгу, чуть ли не сведя обе брови на переносице, и ежеминутно терла щеки одной и той же ладонью. Сусанна плакала. Горько и самозабвенно, хоть и молча. Ангусу было нетрудно представить, что именно она читала в этот момент. Он хорошо знал сюжет ее книги. Глядя на нее, такую чувственную и уязвимую, страдающую от несуществующей боли и желающую выстрадать ее до конца, Ангус почувствовал желание сглотнуть. Невозможность этого действия стала пыткой. В нем встрепенулось что-то такое о чем, нет, он не забыл, о чем Ангус, кажется, и не знал. Неуместное, неконтролируемое чувство начало свой путь именно из горла и проваливалось все ниже, покушаясь на область вне влияния тела.

Ангус заставил себя увести взгляд и подняться на крыльцо. Если бы он увидел, как Сусанна переодевается, это бы не взволновало его так сильно, как произошедшее только что. Тогда бы Ангус увидел лишь ее обнаженное тело, ему же довелось стать случайным свидетелем обнажения души. Сопереживающая, отреченная и такая настоящая Сусанна пробила брешь, которую Ангус старался залатать на скорую руку.

Присев на выделенную ему постель, Ангус надавил на грудь, признавая всю плачевность сложившегося положения. Совладать с дыханием не удавалось. Чтобы облегчить симптомы беспечной влюбленности, Ангус схватился за шейный платок, кое-как сорвал его и опустил ворот рубашки. Не утруждаясь переодеванием в пижаму, даже банальным снятием одежды, Ангус вытянулся на кровати. Из его перманентно распахнутого окна слабыми порывами пробиралась к лицу прохлада.

Ангус так и не включил свет. Лунная дорожка упала где-то в направлении двери, минув его искореженное мучительной судорогой лицо. Хоть Ангус и остался в темноте, перед его глазами все еще горел свет. Желтый-желтый, рассеянный, совершенно не стойкий, словно не от электроприбора, а от свечей. В этом свете Сусанна была особенно прекрасна, прекрасна как женщина. Стройное загорелое тело, прикрытое простой легкой сорочкой, обласканная самым ярким потоком света шея и часть над грудью. Ее изящные пальцы, время от времени прикасающиеся к блестящим от слез щекам. Печально прекрасная Сусанна заняла непозволительно много места в сознании Ангуса.

Этой ночью он не сомкнул глаз. Согреваемый искусственным, случайно замеченным светом, он рассматривал мечты, которым было не суждено воплотиться. От порочного круга Ангуса спасла коротенькая мелодия, насвистываемая утренней птицей. Ее подхватила вторая. Когда птицы поочередно залились свистом, не то переговариваясь, не то возражая друг другу, Ангус наконец-то почувствовал потребность в действиях. Прихватив свежий комплект одежды, он уединился в ванной комнате. Приведя себя в относительный порядок, Ангус вышел на веранду.

На нем были серо-бежевые брюки и футболка поло в слегка другом оттенке, пиджак тон в тон к брюкам Ангус держал на сгибе локтя. Обычно он предпочитал закрывать шею платками либо высоким воротником, так как состояние кожи на шее Ангуса не особо устраивало. Казалось бы, после недавней ошеломительной перемены Ангус должен был стремиться выглядеть с самой выгодной стороны рядом с Сусанной. Он же предпочел возможность полноценно дышать.

- Доброе утро, — опередила его Сусанна, стоявшая на последней ступеньке лестницы.
- Доброе утро, Анна. Вы замечательно выглядите.

И это была правда. С уже привычным пучком на голове, в белой блузе с кружевами на рукавах и в розовой многослойной плиссированной юбке Сусанна была похожа на только-только распустившийся цветок.

— Благодарю, — сказала она с улыбкой. — Кстати, я дочитала книгу. Концовка разбила мое сердце. Я долго плакала. И во время чтения, и когда уже дочитала. Мысли о жестокости судьбы вращались в голове всю ночь. Я почти не спала. Уснула только под утро. Самое уди-

вительное, что утром не захотелось поспать подольше. Я спала всего ничего, а чувствую себя даже бодрее, чем обычно.

— Если честно, мне этой ночью тоже не спалось.

— Вдобавок вас разбудили птицы?

— Я был рад птицам, как и был рад новому дню, — сказал Ангус.

— Знаете, у меня такое странное состояние... — начала Сусанна. — Тяжесть от безрадостных размышлений отступила, на ее место пришло предчувствие. Не знаю, как объяснить... Мне кажется, этот день будет особенным. В таком случае я бы хотела начать его именно так.

Сусанна наклонилась, дотронулась до одной стопы, второй. С балетками в руках она выбежала на травянистую лужайку. По блестящей на утреннем солнце траве Сусанна шла неспеша, постепенно погружая одну ногу за другой. Ее улыбка была улыбкой счастливого ребенка, трудно было поверить, что это улыбались те самые алые, припухшие от плача губы.

— Трава, должно быть, еще совсем мокрая, — сказал Ангус.

— Ходить по траве, покрытой росой, — ни на что не похожее удовольствие. В жаркие дни сложно успеть, но сегодня не будет жарко. Облака летят слишком быстро, — сказала Сусанна и добавила: — Хотите попробовать?

Когда Ангус в последний раз ходил по траве, покрытой росой? Он уже и не помнил.

— Безумно, — ответил Ангус. — Только это потребует некоторой подготовки и определенного количества времени. Прошу прощения, Анна, мне придется присесть, чтобы разуться.

— Ничего, я вас подожду.

Ангус поймал массу неожиданных впечатлений, когда сел на скамью и стал развязывать шнурки каштаново-коричневых туфель Дарби. Насколько же необычным опытом стало ускоренное избавление от летних носков, неловкое заталкивание их в карманы брюк. Все приготовления остались в небытие, когда Ангус ступил на ту же траву навстречу Сусанне.

Живительный холод, выбивший непроизвольную улыбку. Она смотрела на него с такой же. Ангус расслабил подобранные пальцы ног и почувствовал легкость, потребность в которой отпала уже давно. Еще один шаг и лишь расширяющаяся улыбка. Ощущения были такими яркими и резкими, что при каждом новом шаге хотелось вскрикнуть.

Первой из лужайки вышла Сусанна. Переставляя босые ступни по поросшей мхом каменной дорожке, она шла к калитке.

— Пойдемте гулять у моря, — предложила она. — Только, пожалуйста, не обувайтесь.

— Я и не собирался.

Ангус последовал за Сусанной. На каменной дорожке у травы остались две пары туфель. Они стояли не рядом, а друг напротив друга.

Глава 5

— Анна, вы сегодня успели позавтракать? — спросил Ангус, прикрывая калитку.

— Нет, я не голодна.

— Если мы будем гулять так же долго, как и вчера, то вы наверняка проголодаетесь. Мы могли бы зайти в ближайший магазин и прикупить что-нибудь съестное.

— Вы так думаете? — обернулась на свой дом Сусанна.

— Да, думаю, это не будет лишним. Деньги у меня с собой. Покажете путь до ближайшего магазина?

— Сейчас почти все закрыто, но я знаю одну лавку, где хозяйка встает так же рано. Она одинокая женщина. Мне кажется, она работает чуть ли не круглосуточно, чтобы чувствовать себя нужной.

До лавки они шли минут двадцать. Шли по песчаным дорожкам, по тротуару, даже по пешеходным переходам. Шли босиком. Ангусу потребовалось время, чтобы разучиться замечать отвлекающие ощущения. Купив выпечку, фрукты, сыр, воду, а также корзинку для пикника, радушно проданную владелицей для *invité anglais*. «Английский гость» и французенка русского происхождения пошли к пляжу.

В тот раз было довольно прохладно, к тому же бесновался ветер. Легкая одежда Сусанны трепетала, словно была готова взлететь вместе с ней. У Ангуса защемило в груди, когда особенно сильный порыв ветра превратил Сусанну в развивающийся флаг. Ангус сделал шаг вперед машинально.

— Анна, могу ли я предложить вам свой пиджак? Не могу смотреть, как вы мерзнете на ветру.

— Спасибо за предложение, но не стоит. Мне вовсе не холодно. Я люблю такую погоду. Сегодня море особенно говорливое, вы так не находите?

Только теперь Ангус прислушался к грозным выкрикам, стихающим в шепот. Звучно, громко, затем обманчивое молчание. В морском буйстве была своя прелесть, правда, вызывающая тревогу.

— Да уж, что-то оно сегодня раскричалось, — улыбнулся Ангус и заметил на шее Сусанны камень-кулон. — Я так понимаю, вы загадали желание. Этот камень...

— Да, я надела его на шею, сразу же как добралась до нитки. Еще раз спасибо за ваш подарок.

— Не за что, Анна.

Они шли все дальше, в какой-то момент перебрались с сыпучих дюн на влажную почву. Холодный, намываемый морем песок, пузырящаяся у ног пена. Стопы проминали вязкую равномерную поверхность, в руке Ангуса был лишь бесполезный пиджак. Корзинку с продуктами он оставил на берегу.

Сусанна зашла в воду по лодыжки. Ее все еще обдувал несносный ветер. Придерживая края юбки, она бегала наперегонки с волнами, задорно смеясь. Длинные изящные руки всегда были при деле. Ими Сусанна ловила морские брызги, хватала покрепче слегка намокший подол юбки, ежесекундно собирала разлетающиеся у лица прядки за уши.

Неудержимая, как это самое море, излучающая мягкий свет, губительно обаятельная. Сусанна олицетворяла собой чарующую силу жизни, тогда как Ангус блаженный покой созидания. Он давно уже не мог отвести глаз от своей возлюбленной, да и разве это было возможно?

Когда Сусанне наскучило играть с волнами, широким пружинистым шагом она покинула морские объятья, отпустила юбку. К ее стопам прилипал сухой песок, чуть ниже колена остались капли грязи. Ангус был уверен, что ног красивее в своей жизни не видел.

Ангус предложил перекусить, Сусанна согласилась. Они ели, сидя прямо на песке, приводя довольно забавные сравнения всемирно известных композиций и сегодняшней музыки моря. Стоило Ангусу убрать остатки в корзинку и встать, как Сусанна сказала:

— Я думала, что захочу обсудить с вами книгу, которую вчера дочитала. Мне есть что сказать, уверена, вы бы сказали больше. Только у меня такое чувство, что если я начну, то снова расплачусь, — прикусила губу Сусанна. — Эта книга вызвала у меня слишком много чувств, и они еще не улеглись.

— На самом деле не все книги стоит обсуждать. Некоторые будут иметь над нами силу лишь до того момента, пока их не осквернят чужие слова и мысли.

— Настоящая ли это сила, если ее так просто осквернить?

— Хороший вопрос.

— Впервые я заплакала, прочитав «Джейн Эйр», — сказала Сусанна остановившись. — До этого все книги я воспринимала рационально, что ли. Вдумывалась в сюжет, отслеживала конфликт, изменение персонажей. Но эта книга перевернула мое сознание, и я перестала стараться. Стараться понять, отследить, вычленить. После «Джейн Эйр» я стала пропускать книги через себя, позволять возникать самым непредвиденным чувствам. Думаю, я научилась чувствовать, но не уверена, что научилась говорить о чувствах. Мне кажется, что их невозможно передать словами без значимых потерь. Чувства не для разговоров, не для слов и букв. Чувство можно понять, лишь если возникло ответное чувство, все остальное это лишь попытка, лишь фальшь. Вы так не думаете?

— Я придерживаюсь идеи, что рациональное и чувствительное две стороны одного камня. Порой превалирует одна из них, однако невозможно избавиться от второй половины вовсе. Она остается, даже если мы отворачиваем ее от себя и стараемся не касаться.

— Наверное, вы правы и мое разграничение слишком кощунственно. Могу я задать вам один вопрос?

— Анна, вам не нужно спрашивать. Говорите все, что думаете. Я это крайне ценю.

— Что предпочитаете читать вы?

— В большинстве своем я читаю специализированную литературу, касающуюся моей профессиональной деятельности. Отдельно могу выделить документальные источники.

— Исторические?

— В том числе. За свою жизнь я прочел так много художественной и публицистической литературы, что устал от нее. Поиск и обработка реальных фактов порой отвлекают от будничности не хуже романов. Чтобы не казаться в ваших глазах сухим, окаменевшим циником, добавлю, что во время путешествий всегда беру с собой поэтический сборник.

— И чьи же это стихи?

— Восточных классиков. Читали когда-либо китайских или же японских писателей?

— Нет, никогда, — покачала головой Сусанна.

— Я прочел так много европейской и американской литературы, что она мне приелась. То, о чем принято говорить, то, что принято ценить, перед чем преклоняются... Образ мысли предполагаемый как классикой, так и современной литературой, стал до отторжения понятным. Литература Востока другая. Это поражающая воображение культура, ценность произведений искусства которой сложно преувеличить. Читая классиков Востока, я открываю новое. Не что-то новое в себе, а в самом мироздании.

— Как интересно. Вы читаете восточную поэзию в оригинале?

— Нет, в переводе, — улыбнулся Ангус. — У меня с собой есть сборник. Если мне удалось вас заинтересовать, то я буду безмерно рад подарить его вам.

— Хоть я крайне заинтригована, я не могу принять ваш подарок и оставить вас скучать во время поездки обратно в Ирландию.

— Я найду, чем заняться, не переживайте, — рассмеялся Ангус.

— Я серьезно, — остановила его Сусанна. — Вы и так подарили мне волшебный камень, еще один подарок я не приму. Я буду рада прочесть стихи из вашего сборника, но непременно его вам верну.

В серо-зеленых глазах появилась такая отрешенная стойкость, что Ангус решил спрятать улыбку. Не зная Сусанну хорошо, вряд ли можно было бы подумать, что она способна так смотреть. И вот снова приятный взгляд, веселая улыбка. Сусанна сама подошла к Ангусу и даже, кажется, протянула руку.

— У вас на воротнике жук, — объявила Сусанна.

— Жук?

Она кивнула, продолжая тянуть руку к шее Ангуса.

— Если позволите, я его уберу.

— Буду благодарен. Не боитесь жука? — спросил Ангус, пытаясь заглянуть на свой воротник.

— Этот жук не кусается. Вот, смотрите.

Сусанна произнесла это до того, как взяла жука в руку. Видимо, она хотела продемонстрировать не насекомое, а сам процесс неполучения укуса. Она была так близко, Ангус почувствовал не ее пальцы на шее, всего лишь касание собственного воротника. Но это незаметное движение было создано ей, теми самыми пальцами, которые дразнили клавиши и страстно сжимали распахнутую книгу. Ангус повернулся, слегка склонив голову, увидел длинные прямые ресницы, кончик ее прелестного носа и губы. Приоткрытые, розовые, слегка припухлые.

Что двигало им, Ангус отказывался понимать. Он знал, что не имел права, более того, он не собирался предъявлять выдуманные права даже в больном воображении. Все же Ангус позволил этому рывку произойти. Рывку в осужденном на гибель сердце, рывку иссохших на ветру губ.

Ангус не поцеловал Сусанну, он приблизился настолько, что почувствовал ее испуганный выдох своими губами. Видимо, его борода коснулась щеки Сусанны, и от неожиданности она вздрогнула. Ангус стремительно отшатнулся, Сусанна продолжала стоять с вытянутой рукой. Черная жирная точка в ней медленно передвигалась. Сусанна не смотрела на него и на жука не смотрела. Ангусу показалось, что она вообще никуда не смотрела, поэтому он сам направил взгляд к морю.

— Прощу меня простить, — сказал он, бессмысленно попытавшись сглотнуть перед этим. — Хотите еще пройтись вдоль побережья? Я бы остался здесь на некоторое время, но если вам нужно вернуться домой, я пойму вынужденное лишение вашей компании.

Когда Ангус вернул Сусанне взгляд, она уже опустила руку. Он ожидал обнаружить в ее глазах отвращение либо ужас — одно из двух. То, что увидел Ангус, было гораздо более запутанным. Он ждал. Преданно ждал, что же она скажет. Сусанна сказала:

— Да, мне уже пора.

Глава 6

Сусанна старалась контролировать шаг, чтобы не идти ни слишком быстро, ни слишком медленно. Одно это стремление уже о многом говорило. То, что открывалось внутри при вдохах и схлопывалось при выдохах, определенно было страхом. Сусанне было страшно думать о том, что она могла выдумать этот момент, предшествующий поцелую. От мыслей, что она его не выдумала, было еще страшнее.

Почему-то она была уверена, что Ангус смотрит ей вслед. Сусанна не знала, как должна вести себя, поэтому пыталась сконцентрироваться на своем преднамеренно обычном шаге. Если бы он пытался ее поцеловать, то вряд ли бы стал на нее смотреть после отказа. Если это все было выдумкой, то Ангус действительно захотел побыть у моря в одиночестве. Вновь выходило, что он ну никак не может на нее смотреть.

Калитку открыть Сусанна постаралась беззвучно. Схватив балетки, она втиснулась во входную дверь и пробралась в свою спальню, надеясь, что ругающиеся родители не обратят на нее внимания. Чувств было так много, что Сусанна постаралась их спрятать. О произошедшем она подумает позже, сейчас слишком опасно показать то, чего она сама еще не поняла, родителям, либо же Ангусу.

Что-то большое и трудно контролируемое стучало в груди Сусанны, требуя выхода наружу. Она не была готова столкнуться с подобными чувствами, поэтому прилегла на кровать, включив музыку в наушниках. Больше всего Сусанне хотелось к фортепиано. Играть, играть, без разницы что. Это было невозможно. Родителей бы раздражала ее музыка, если бы вернулся Ангус... Эта мысль заставила Сусанну зажмурить глаза. Она не представляла, как снова на него посмотрит, и вовсе не из-за стыда.

Что именно с ним произошло? С ним ведь точно что-то произошло в тот момент. Вряд ли Сусанна сможет это понять. Спросить она тоже не сможет. С Ангусом было так легко и одновременно сложно, как ни с кем другим. Они обменивались серьезными мыслями в эфемерной дружеской форме. И что теперь? Что-то ведь случится.

Случилось следующее: по стуку двери Сусанна поняла, что Ангус вернулся. Это было где-то через час после ее побега. Еще через час папа позвал ее в гостиную, чтобы попрощаться с Ангусом, которому срочно пришлось вернуться в Ирландию. Насколько помнила Сусанна, раньше Ангус оставался дней на пять. Всего три.

— Я был рад познакомиться с вами, Анна, — сказал ей Ангус. — Надеюсь, ваше желание исполнится уже очень скоро.

— Я тоже, — Сусанна ответила сразу на оба его высказывания. — До свидания.

— До свидания.

Сусанна смотрела как в бреду на удаляющуюся фигуру Ангуса с чемоданом в руке. Папа ушел его провожать. Все это казалось ненастоящим. Даже дым, что струился из сигареты, упавшей в кресло мамы. Сусанна села за фортепиано, но не смогла поднять крышку, так и осталась сидеть, сложив на нее руки. Теперь, когда притворяться больше было не нужно, Сусанна могла признаться себе, что он уехал из-за нее.

Вряд ли бы Ангуса обидела ее нерешительность. Он принял это решение, заботясь о ее спокойствии, которое было бы сложно вернуть после неожиданной сцены? Этот ответ казался Сусанне верным, но вторая половина камня добавляла сомнений. Рациональные мысли пытались выявить причину, связанную с его рабочими делами, какое-то логическое объяснение. Разве мог такой человек, как Ангус, захотеть ее поцеловать, следовательно, испытывать к ней влечение? Он старше, гораздо умнее, он человек из другого мира, добившийся известности, состояния и нерушимого имени. Он, Ангус Лагергрэн, не мог быть очарован ей, провинциальной девушкой, любящей книжки и музыку.

Аристарх вошел в гостиную, когда уже начало темнеть, Сусанна так и сидела, держась за фортепиано. Она даже не сразу заметила отца с книгой в руке.

— Ани, Ангус оставил тебе эту книгу, — сказал Аристарх.

Сусанна развернулась, словно пробудившись после сна. Теперь она по-настоящему увидела папу и книгу с золотистым орнаментом поверх белых хризантем.

— Почему ты решил, что мне? Он мог попросту ее забыть.

— Книга подписана. Держи.

Первым делом Сусанна открыла форзац. Средними, крайне выразительными буквами с роскошными завитками на букве «А» было выведено всего одно слово на русском языке — «Анне». Обводила пальцем тисненые буквы на обложке, рассматривала хризантемы и свое имя Сусанна уже в своей комнате с такой же массивной мебелью, как и по всему дому. Больше всего Сусанна любила свой книжный шкаф и низкий подоконник, оснащенный диванными подушками. На своем любимом месте для чтения Сусанна знакомилась тем вечером с короткими, ломаными на первый взгляд стихами восточных поэтов.

В первый раз у нее не получилось понять поэтичность в зарисовках не типичной для ее восприятия природы. Восточная поэзия показалась Сусанне чуть ли не прозаичной. Ей потребовалась неделя, чтобы уловить непривычный ритм и сделать то, что она в последнее время чуть ли не презирала: задуматься. Она читала у моря, читала во дворе, читала в спальне в свете нагревающейся настольной лампы. Чтобы понять, приходилось осмыслить, когда это удавалось, тогда и выныривали пресловутые чувства. Сусанне потребовалось приложить усилия, чтобы осознать метафору Ангуса с камнем. Когда же это произошло, она была практически счастлива.

Ее жизнь уже не была прежней. Вроде бы обстановка сохранилась, как внешняя, так и внутренняя. Это был все тот же близкий сердцу Вимре, то же певучее море, те же взаимно непереносимые отношения родителей. Папа продолжил пить и прятаться в мастерской, мама иногда не ночевала дома. Уже полтора года Сусанна видела ее в городе с молодым чернобородым художником, которого мама называла своим преданным другом.

К семейной драме Сусанна привыкла. Как бы ей ни было больно видеть разрушение своей семьи, она уже смирилась, что не сможет помочь. От скандалов и тяжелых сцен она и сбегала в книги, в музыку и прогулки в одиночестве, наполненные размышлениями о ней самой и человечестве в целом. Сусанна любила думать именно о людях, а не о местах, понятиях или предметах. Все изменилось с отъездом Ангуса. Теперь она любила думать об определенном человеке.

В жизни Сусанны еще не было того, кто бы так увлеченно слушал, кого так бы увлеченно слушала она. Ангус вобрал в себя все лучшие человеческие качества, он был так галантен и вежлив с ней. Находиться рядом с ним было больше чем приятно, Сусанна не замечала течения времени. Ему хотелось рассказать все, что было на душе и в мыслях. Почему-то Сусанна верила, что ему это важно узнать.

Слушая море, Сусанна перебирала пальцами подаренный им камень, читая стихи, думала о том, что и Ангус недавно читал их, — от этого становилось тепло. Подаренную книгу Сусанна хранила на прикроватной тумбочке, она даже выучила некоторые хокку наизусть. Не специально.

В конце лета, в один не самый приятный день, когда родители били посуду на кухне, а сама Сусанна устала от затяжных ливней, она решила написать Ангусу письмо. В первую очередь она должна была поблагодарить его за книгу. Сусанна посвятила несколько абзацев впечатлению, которое произвели на нее стихи. Она написала и о своем любимом произведении Еса Бусона «Зал для заморских гостей тушью благоухает...». Сусанне хотелось надеяться, что Ангус все еще захочет узнать ее мнение.

Она написала пару строчек о Вимре, о море и себе. Сусанна рассказывала, как ей нравилось обсуждать литературу, философию и музыку с ним. Даже о том, что иногда она прокручивает в голове эти диалоги и натывается на новые и новые мысли.

Письмо заканчивалось вопросами о делах Ангуса, о его настроении и ближайших планах. Сусанна подписалась «Анна». Ее «Анна» была намного менее красивой, чем его. Сусанна даже купила конверт и марки. Ирландский адрес Ангуса она нашла на конверте в мастерской отца. В конце концов Сусанна спалила это письмо, а не отправила. Она побоялась своим желанием возобновить общение дать неоправданную надежду. Сусанна никак не смогла бы ответить на поцелуй поцелуем.

Глава 7

Ирландия встретила Ангуса привычно зелеными холмами и безжалостным солнцем. Даже вечер того нескончаемого дня выдался до одури жарким. Ангус проживал в самом сердце Ирландии в окрестностях Бирра. Особняк Ангуса Лагергрена располагался неподалеку от известного одноименного замка. До побережья отсюда было далеко. Кругом леса, поля и концентрированно зеленые холмы с рябщими на них своими черными и белыми спинками овцами.

Большинство важных вопросов, в том числе вопросов инвестирования, Ангус вполне мог решить из Дублина. До столицы он добирался всего за пару часов на автомобиле. Что касается его репутации одного из самых крупных владельцев коллекции произведений искусств, Ангус продолжал появляться в Лондоне, где и прожил лучшие свои годы. Дальше Великобритании, если не считать французского побережья, Ангус старался не выезжать. Длительные путешествия начали утомлять его еще лет десять назад.

И даже перед домом было так много зеленой травы. Взгляд Ангуса упал на те самые туфли Дарби, которые он, не раздумываясь, сбросил утром. Больше на траву он старался не смотреть. Ускорив шаг, Ангус поднялся по каменному крыльцу, еле заметно кивнул дворецкому и вошел в свой кабинет. Обстановка в лучших английских традициях. Большое симметричное пространство, превалирующие темные оттенки, натуральная мебель из цельного дерева, множество книг за стеклянными створками антикварных шкафов.

Ангус присел в темно-зеленое кожаное кресло, а не за письменный стол с множеством золотых принадлежностей и стопкой нескрытых писем. Ровно через двадцать минут после его прибытия вошел секретарь, который был заблаговременно уведомлен о неожиданном возвращении Ангуса Лагергрена.

— Прошу меня извинить, сэ.р. Мистер Лагергрэн, так как вы вернулись раньше установленного срока, я счел необходимым уведомить вас о конгрессе, на который вам, как одному из основных инвесторов, выслали приглашение. Конгресс состоится...

— Я не приеду. Составьте письменный отказ, не называя причины.

Пятидесятилетний высокий мужчина с привычным Ангусу акцентом и английским чувством такта занимал должность главного секретаря с тех пор, как Ангус перебрался в Ирландию. Секретарь поклонился, но не спешил удалиться.

— К тому же, я счел своей обязанностью донести до вашего сведения, что один из лондонских аукционных домов выслал вам подробную характеристику предмета, в котором вы, судя по их письму, были заинтересованы. Письмо личное, я полагаю, что оно уже находится в вашем кабинете, сэ.р. Тонкость данного вопроса заключается в том, что уже завтра аукционный дом выпустит каталог. Они готовы заключить сделку с вами без лишнего шума в кратчайшие сроки, если данное предложение вас еще интересует.

— Им тоже можешь отказать, — потер бороду у подбородка Ангус.

— Мне стоит обратить особое внимание на какие-либо вопросы? Подготовить определенную документацию? Мистер Лагергрэн, позвольте спросить, чем вы собираетесь заниматься в ближайшее время?

— Пока не знаю, — ответил Ангус и жестом попросил секретаря покинуть его.

Уже стемнело, Ангус не включил ни одной лампы. Он предпочел темноту, как и прошлой ночью. Непреодолимая тоска продолжала щемить в груди. Ангус не мог избавиться ни от идеального женского образа, ни от подавляющего чувства вины, которой он позволил себе этот образ запятнать.

Темнота не была его союзником. Темнота лишила зрения, заставив ощутить свои едкие чувства сполна. Ангус встал, нащупал выключатель ближайшего торшера и в конце концов

нашел себе занятие. Каким-то чудом эта книга оказалась в его библиотеке. Уже старая, с бумагой не самого лучшего качества. У Ангуса была обширная коллекция американских писателей. Правда, в последний раз он читал подобные романы в студенческие годы, пока еще не ударился в философию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.